

УДК 296:2(571.53)(091)
DOI: 10.17223/19988613/71/23

А.А. Иванов, С.Л. Курас, Т.Л. Курас

ССЫЛЬНЫЕ ЕВРЕИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.

Анализируется деятельность ссыльных евреев в Сибири в конце XIX – начале XX в. как участников леворадикальных партийных формирований, отправленных в суровый край по решению суда или административно. В исследовании отмечены основные пути попадания евреев в Иркутскую губернию, а также факторы, влиявшие на изменение их численности. Впервые рассмотрено активное влияние иудеев на работу сибирской оппозиции. Выявлена значительная роль сосланных по политическим мотивам евреев в развитии партийных формирований социал-демократов и эсеров, показано их участие в Октябрьской всероссийской стачке.

Ключевые слова: политическая ссылка; ссыльные евреи; Сибирь.

Политическая ссылка в истории Сибири, Иркутской губернии и Иркутска всегда занимала значительное место. Начиная с XVII в. сюда высылали участников неудавшихся дворцовых переворотов, позже – дворян-декабристов, поляков, боровшихся за независимость, затем революционеров – противников самодержавного государства. Среди политических ссыльных, отбывавших наказание на территории Иркутской губернии в конце XIX – начале XX в., заметное место занимали ссыльные евреи. В настоящем исследовании авторы не рассматривают еврейскую этническую ссылку, фокусируя свое внимание лишь на ссылке евреев как участников леворадикальных партийных формирований, отправленных сюда по решению суда или административно. Данная тема является весьма актуальной научной проблемой, так как до сих пор рассматривались лишь некоторые, далеко не главные, ее сюжеты [1–5]. Цель исследования – определить численность евреев в массе политических ссыльных, а также выявить их роль в радикальной политической жизни Иркутской губернии 1880–1900-х гг. Статья построена в основном на материалах Государственного архива Иркутской области, большая часть которых не вводилась в научный оборот, а также на источниках личного происхождения и отдельных научных исследованиях наших коллег-современников. В ходе работы над конкретным материалом авторы руководствовались принципами историзма и объективности, использовали как общенаучные, так и исторические методы, например проблемно-хронологический, историко-сравнительный и нарративный.

Как известно, в первой половине XIX в. евреи из-за своей социальной обособленности были еще далеки от участия в радикальных общественных и политических организациях страны. Так, нам известен только один еврей-декабрист – Григорий Перетц, член «Союза благоденствия», отбывавший наказание ссылкой в Пермь и Усть-Сысольске, а затем живший в Вологде (1826–1840) [6]. Евреи не принимали заметного участия и в студенческом движении конца 1830-х – 1840-х г.

Не было их и среди петрашевцев. Это подтверждает, к примеру, «Список политических преступников, находившихся в Иркутской и Енисейской губерниях в 1843 году», обнаруженный нами в фондах ГАИО: из 125 фамилий, обозначенных в этом документе, еврейских не отмечено [7. Л. 3–107]. То же относится и к 1850–1860-м гг.: среди 35 революционеров-«шестидесятников», отбывавших наказание ссылкой в пределах Иркутской губернии, по данным словаря «Деятели революционного движения в России», евреи не значатся [8. Т. I, ч. 2. Стб. 27–494.].

А вот 1880-е гг. заметно меняют эту картину: так, из 58 ссыльных, сосланных по суду или административно в Иркутскую губернию в эти годы, русскими были 39 человек, или 67,3%, евреями – 12 (20,7%). Дальше – больше: в 1890-х гг. в пределах губернии находились 53 политических ссыльных, среди них евреев 14, или 26,4% [Там же. Т. II, вып. 2. Стб. 31–829; Т. II, вып. 3. Стб. 856–1381].

Стремительно росло число евреев среди ссыльных «политиков» в начале XX в. Так, из 79 лиц, сосланных за политические преступления и состоявших под надзором полиции в Иркутской губернии к 1 января 1901 г., евреев оказалось 26 человек – уже 32,9% [9], в списке на 1 января 1903 г. – 52, или 39,4% [10. Л. 173–266], наконец, на начало 1905 г. находим: сосланных за «политику» 158 человек, из них евреев 95, или 60,1% [11. Л. 1–35 об.]. При этом следует подчеркнуть: во всех списках нами учитывались только те ссыльные, которые действительно именовались «из евреев» или «из иудеев». Лица же, имевшие характерные еврейские фамилии и имена, но значившиеся как «малоросс» или «ремесленник из Лодзи», в расчеты не принимались.

Русско-японская война приостановила ссылку в Сибирь, а первая русская революция принесла почти всем «политическим» долгожданную амнистию. Колонии по Лене и Ангаре быстро опустели, однако разгром революционных организаций и подавление массового рабочего и крестьянского движения в Европейской России способствовали вновь наполнению тюрем и

ссылных мест, в том числе и в Иркутской губернии. Еще в конце 1906 г. сюда поступили участники вооруженных восстаний на Дальнем Востоке, в Севастополе, Кронштадте, члены первых Советов рабочих и солдатских депутатов, бундовцы, эсеры и анархисты. В этот период доля евреев ссылных несколько снизилась и составляла в 1912 г. среди ссыльнопоселенцев 17%, административных – более 23% [12. С. 225, 239].

В составе политических ссылных Иркутской губернии евреи в конце XIX – начале XX в. занимали значительное, а иногда и ведущее место, уступая лишь русским рабочим. Их численность росла здесь постоянно, что вполне объяснимо политикой самого государства, стремившегося всегда ограничить их права, прежде всего законодательно. Так, согласно Высочайшему повелению от 22 мая 1886 г., евреи, «вознамерившиеся» составить или участвовавшие в сообществе с целью насильственного изменения существовавшего государственного строя и правления в империи, должны были подвергаться более суровому наказанию, чем лица «христианских вероисповеданий», и высылаться исключительно в Восточную Сибирь, причем установленный минимальный пятилетний срок в виде временной меры мог быть увеличен для них до восьми и даже десяти лет [13. Л. 16].

Иркутские губернские власти, испытывая к «старой» народнической ссылке в силу определенной словесной солидарности двойственное отношение, на что не раз обращали внимание современники [14], все же особенно не жаловали в ее составе евреев. Так, первым тревогу по поводу «еврейского засилья» забил еще генерал-губернатор граф А.П. Игнатьев, указывавший во Всеподданнейшем отчете за 1887 г. на «большое скопление ссыльнокаторжных евреев» в Александровской центральной тюрьме – 228 человек, в основном это были уголовные преступники, что составляло тогда более 15% всех наличных арестантов. «...В недалеком будущем, – утверждал генерал, – население тюрьмы может оказаться еврейским по преимуществу... Чрезмерное скопление евреев в Александровской тюрьме и разрастающееся вокруг нее еврейское население из добровольно пришедших за преступниками необходимо постоянно бороться с вредною деятельностью этого населения, стремящегося установить незаконные сношения с заключенными с целью тайной продажи вина, преступного приобретения от арестантов казенных вещей и других неблагоприятных действий». А.П. Игнатьев даже предложил ввести своеобразную «квоту» на количество ссыльнокаторжных евреев, направляемых в Александровскую центральную каторжную тюрьму – не более 5% всех заключенных, и возбудил об этом ходатайство в Главном тюремном управлении [15. Л. 40].

Иркутский военный генерал-губернатор граф П.И. Кутайсов в 1903 г., отмечая, что современная политическая ссылка «более чем на три четверти состоит из крестьян и мещан, а главное, из евреев», предлагал незамедлительно на уровне правительства лишить ее «преимуществ» и «привилегий», которые по закону положены ссыльным из «благородных» сословий. В своей

аналитической записке о состоянии политической ссылки во вверенном ему крае, предназначенной для Департамента полиции, Кутайсов констатировал, что высланные за «политику» евреи получают здесь еще и свою выгоду – «приобретают право на проживание в Сибири, и благодаря поддержке своих соотечественников, попавших сюда раньше, сравнительно скоро осваиваются и начинают получать такие заработки, о которых не смели и мечтать в черте своей оседлости». По мысли губернатора, этим и объясняется, «почему многие евреи, отбывшие срок надзора, не хотят возвращаться на старое место и ходатайствуют о разрешении остаться на новом...» [16. Л. 26].

Под конец своей записки рассуждения П.И. Кутайсова вообще полны антисемитизма, с одной стороны, и анекдотичны – с другой: «Кстати сказать, – пишет он, – если так будет продолжаться, то могут появиться и такие евреи, которые, желая попасть ради заработков в Сибирь, совершат какое-либо политическое преступление вроде разбрасывания прокламаций и пения революционных песен, и цель их тогда будет достигнута – они будут в Сибири; в последнее время, впрочем, они открыли еще один способ сюда попадать – это женитьба или замужество...» (имеется в виду на политическом ссыльном или политической ссыльной) [16. Л. 26].

Следует сказать, что такой значительный процент евреев среди политических ссылных Восточной Сибири был характерен не только для Иркутской губернии. Едва ли не большее количество евреев-революционеров направлялось еще севернее – в Якутскую область, или «Якутку», как называли этот край ссыльные. Например, в списке политических ссыльных, состоявших там на причислении на 17 мая 1904 г., значились 338 человек, из них 152 – с ярко выраженными еврейскими именами, отчествами и фамилиями, что составляет почти 45% [16. Л. 74–91]. Вот еще пример: среди 56 участников известного Романовского протеста в Якутске (1904), спровоцированного циркулярами того же генерал-губернатора П.И. Кутайсова, по нашим подсчетам, было не менее 32 евреев, или 57,2% от общего числа протестовавших [17. С. 454–468].

Мы привели здесь лишь некоторые документы, свидетельствующие о большом количестве евреев в составе политической ссылки Иркутской губернии на рубеже двух веков. Какова же их подлинная численность? Как ни странно, но в историографии темы, казалось бы, довольно давно и всесторонне изучаемой еще с советских времен, этот вопрос остается по-прежнему открытым. Такое положение дел характерно и для общесибирских показателей конца XIX – начала XX в. В чем причина такого невнимания исследователей к установлению национального состава ссыльных революционеров? Дело в том, что, во-первых, большевистская партия всегда отводила народникам в истории «освобождения рабочего класса» России весьма и весьма скромную роль, не забывая при этом обличать «в пособничестве буржуазии», во-вторых, сам еврейский вопрос в стране Советов был довольно деликатным: ну не могло евреев-революционеров быть больше русских. Скажем сразу: не могло быть, и не было. Но в Иркутской губернии и Якутской области, опреде-

ленных самим государством в качестве основного места изоляции политических административно-ссыльных в рассматриваемый нами период, в силу их специфики в некоторые годы было. Думается, что всестороннее исследование данного предмета подтвердит нашу гипотезу.

Важно подчеркнуть, что, составляя на рубеже веков едва ли не половину колонии политических ссыльных Иркутской губернии, еврей-революционеры, как это уже было отмечено Л.В. Кальминой, держались от городских еврейских общин, сложившихся задолго до их «невольного путешествия» в Сибирь, в стороне, не стремились вовлечь единоверцев в радикальные политические организации [18. С. 216]. Политические ссыльные из евреев занимались конспиративной антиправительственной агитацией среди различных слоев русскоязычного населения, отдавая предпочтение, по всей видимости, все-таки городским служащим и учащейся молодежи. Об этом свидетельствует и география размещения ссыльных евреев: большая их часть, первоначально попадая в отдаленные районы губернии – Киренский и Верхотурский уезды, – при малейшей возможности стремилась перебраться поближе к губернскому центру, заканчивая свою ссылку уже в Иркутске, Балаганске, Тунке или Лиственном. Впрочем, эта тенденция хорошо проявлялась не только у евреев, но и у русских, грузин, латышей, поляков: как только ссыльный получал разрешение на «передвижение внутри губернии», он всегда стремился перебраться южнее, поближе к Иркутску.

Следует заметить, что городские общины иудеев, не воспринимая революционную пропаганду, оказывали тем не менее ссыльным евреям сочувствие и поддержку. Это объяснялось не только национальной или конфессиональной идентичностью, но и соображениями сугубо практическими: политические ссыльные могли быть использованы в качестве преподавателей для еврейской молодежи (добавим: и стоили при этом гораздо дешевле «обычного» учителя). «Природный здравый смысл, – пишет об этом народник М.А. Кроль, – подсказывал им, что образование и высокая культура – большая творческая и благотворительная сила». Приехав в Иркутск в 1895 г., автор нашел «у иркутских евреев особенно радушный прием», так как «был российским евреем с известным образованием и к тому же политическим ссыльным». Эти особенности, как считает автор, и помогли ему в короткое время «приобрести среди иркутских евреев довольно много хороших знакомых и несколько преданных благородных друзей» [19. С. 252, 253].

Равнодушное отношение сибирских еврейских общин к политической жизни вовсе не означало, что определенная часть их членов оставалась в стороне от революционных выступлений. Да и сибирские евреи во многом были непохожи на российских, превратившись здесь в типичных сибиряков. Как справедливо замечает профессор Ю.М. Гончаров, «сибирские евреи под влиянием местных условий образовали достаточно специфическую общность, заметно отличавшуюся по своему образу жизни, экономическому и социальному положению, культурно-психологическому типу не толь-

ко от евреев черты оседлости, но и всех других регионов Российской империи» [20. С. 133]. Фонды ГАИО сохранили немало примеров активнейшего участия «коренных иркутских» евреев в радикальном оппозиционном движении. Вот, например, состав редколлегии нелегального ученического журнала «Братство», издававшегося в 1903 г. в Иркутске: гимназисты Гдалий Левенсон, Моисей, Павел и Самуил Файнберги, Эдуард Левенберг, Моисей Прейсман, Александр Ельяшевич, Яков Винер, Марк Азадовский и ученик иркутского промышленного училища Лейба Винник [21. Л. 2]. Вот другой пример: среди 31 участника протестных «беспорядков» в Иркутске в конце октября 1904 г. по крайней мере 13 – евреи: М.И. Даринский, З.И. Селектор, И.М. Хоммер, А.Г. Гольдберг, Х.И. Кононов, Я.В. Лончих, И.Г. Гольдберг, М.С. Моберман, Г.М. Фриденсон, Я.Л. Кац, М.С. Фельдман, М.Г. Соколь, З.А. Ельяшевич [22].

Были у иркутских евреев, участвовавших в революционном движении, и свои политические каторжане, и свои ссыльнопоселенцы. Приведем лишь несколько имен. Вот, к примеру, Бланков Исая Моисеевич – еврей, сын извозчика, родился в 1888 г. в с. Нукуты Иркутской губернии, окончил 4-классное училище, примкнул к эсерам и с 1905 г. работал в кружках молодежи в Иркутске и Чите под кличкой «Исайчик», был арестован в 1907 г., отбывал каторгу в Забайкалье, в 1913 г. вышел на поселение в Якутскую область. Вот Газин Исаак Иосифович, сын рабочего, родился в 1878 г. в Иркутске, обучался в учительской семинарии, социал-демократ, с 1900 г. занимался перевозкой литературы на Дальний Восток, в 1909 г. по приговору Приамурского военно-окружного суда получил четыре года каторги, затем был на поселении в Коченгской волости Иркутской губернии, после – в Иркутске. Или Лев Абрам Григорьевич, еврей, сын извозчика, родился в 1889 г. в Иркутске, получил домашнее образование, с 1906 г. принимал участие в эсеровском подполье под кличкой «Левушка», арестован в 1908 г. и осужден за участие в подкопе под Владивостокскую тюрьму к шести годам каторги, на поселении в Якутской области с 1915 г.. А еще Озеров Исая Зиновьевич, еврей, из мелких служащих, родился в 1885 г. в с. Чечуйске Иркутской губернии, с 1909 г. за распространение социал-демократической литературы и агитацию среди солдат отбывал каторгу в Горном Зерентуе и Алгачах, водворен на поселение в «Якутку», откуда бежал в Иркутск, вновь был арестован и возвращен на место приписки [23. Стб. 130, 351, 454].

Иркутск этого периода – крупнейший торговый центр на востоке страны. Пользуясь хроническим для Сибири дефицитом квалифицированных специалистов, политические ссыльные без особого труда устраивались в многочисленных торгово-закупочных заведениях города, экспедициях по снабжению северных территорий, банках, оптовых магазинах и складах, с успехом служили в типографиях, обозных мастерских, кожевенных заводах и даже на Сибирской и Забайкальской железных дорогах. Перед первой русской революцией в городе было сосредоточено до трехсот политических ссыльных. Значительный процент среди

них, скажем, не менее сорока, составляли евреи. Часть из них оседала здесь после формального освобождения, другие приезжали «временно по болезни» (очень часто такое «лечение» могло длиться и несколько месяцев, и несколько лет), третьи, закончив срок ссылки, использовали для проживания в столице края вполне законную трехмесячную остановку для подготовки к отъезду на родину, четвертые жили нелегально, по подложному паспорту, и пятые – вполне «официально» отбывали ссылку, т.е. находились под гласным полицейским надзором.

Политические ссылки этого времени имели в Иркутске несколько центров притяжения. Наибольшее количество «политиков» группировалось вокруг «Восточного обозрения». Редактор газеты И.И. Попов, сам бывший политический ссылный, принадлежавший когда-то к «молодой» «Народной Воле», сумел привлечь к газетному делу десятки ссылных, в том числе и евреев. Назовем лишь некоторые имена: А.С. Белевский, В.Г. Богораз, Н.Л. Геккер, В.Е. Гориневич, М.Р. Гоц, М.А. Кроль, Л.Г. Левенталь, В.Е. Мандельберг, Г.А. Мачтет, П.Ю. Перкон, И.М. Ромм, С.С. Синегуб, Л.Д. Троцкий, М.И. Фундаминский, С.Л. Чудновский, И.И. Шиллингер [14. С. 341–372].

Именно политические ссылки сделали газету подлинным центром оппозиционной жизни. Вот что докладывали об этом издании в Петербург чины Иркутского губернского жандармского управления в 1905 г.: «Местная газета «Восточное обозрение» положительно разжигает страсти неспокойного элемента. Во всех статьях этой газеты только и проводится мысль о непригодности в России существующего общественного и государственного строя. Восхваляются все политические преступления, действия забастовщиков, комитетов, собраний, союзов и стачек в городах России и здесь. Редактор газеты И.И. Попов и ныне его заместитель И.С. Ефремов, все сотрудники газеты – лица с темным прошлым, сомнительным настоящим, о нравственных устоях и порядке даже намека нет, они только ярые сторонники переворота в России, о политической благонадежности их говорить не приходится» [24. Л. 11].

Постоянным делом иркутской колонии была организация материальной поддержки малообеспеченных ссылных и их семей. Чтобы помочь таким товарищам, в каждой крупной колонии имелась нелегальная касса взаимопомощи. Была такая касса и в Иркутске. О ней упоминает В.Е. Мандельберг. Ссылные евреи были постоянными и активными участниками этой кассы. Документально известно, что, например, М.А. Натансон, имея в конторе по строительству ледокола «Байкал» весьма приличное жалованье в 1 800–3 500 руб. годовых, «при готовой квартире с отоплением и освещением», вел «скромный образ жизни» и постоянно делал «из своего заработка материальную поддержку политическим ссылным» [25. Л. 1].

Из этой же кассы оказывалась помощь ссылным, проходящим дальше через Иркутск. «В громадном большинстве случаев, – вспоминал Мандельберг, – люди шли не только без средств, но и без одежды, белья, обуви, и шли так на крайний Север, в Якутскую область. Мы снабжали их шубами, валенками, теплым

бельем, провизией... Касса наша не столько помогала нуждающимся в Иркутске (на это шла самая незначительная часть доходов), сколько проходящим в ссылку, бегущим, возвращающимся...» [26. С. 23–33].

На рубеже двух веков народническая колония становится иной, все больше и больше размываясь представителями других партий и течений. Дворянская молодежь уступает здесь первенство разночинцам и выходцам из пролетарских рядов, на смену интеллигенту приходит рабочий. Этот процесс для старого народничества проходил весьма болезненно, что хорошо передано Л.Д. Троцким. Приехав в город в 1902 г., он при первом знакомстве с четой Натансонов был «очень обласкан». Однако их товарищеские отношения быстро закончились. «Принципиальные споры приняли сразу чрезвычайную остроту и каким-то острым клином врезались в мои отношения с Натансоном», – вспоминал позднее об этом Бронштейн [27. С. 93].

«Принципиальные споры» шли вокруг новой, пролетарской ссылки. В ее появлении «старые» народники, жившие в Иркутске, видели «крах всего революционного движения». «Рабочие стали составлять все больший и больший процент политиков и, наконец, оставили далеко за флангом революционного интеллигента, который со старого времени привык считать Петропавловскую крепость, Кресты и Колымск своей монопольной наследственной собственностью, чем-то вроде майората. Мне еще приходилось встречать в 1900–1902 гг. народовольцев и народоуправцев, которые почти обиженно пожимали плечами, глядя на арестантские паузки, нагруженные виленскими трубочистами или минскими заготовщиками», – так писал Л.Д. Бронштейн об этом времени позднее [28. С. 33].

Политические ссылки «новой волны», среди которых все заметнее становились лидеры рабочих организаций и социал-демократы, в меньшей степени владели творческими профессиями и не внесли столь существенного вклада в развитие «общественности», науки и культуры Иркутска, как их предшественники-народники. Однако эти ссылки заметно ускорили вовлечение иркутского общества в радикальное оппозиционное движение, принесли учащейся молодежи и рабочим Иркутска идеи марксизма. При этом среди ссылных большой активностью выделялись евреи.

Ссылные евреи сыграли большую роль при создании Сибирского социал-демократического союза. Известно, что во второй половине 1900 г. в Томске по инициативе группы В.Е. Воложанина был образован Сибирский социал-демократический союз. Ведущие позиции в Союзе с момента его образования всегда занимали евреи-ссылные: так, Израиль Гуковский (будущий нарком финансов Совета Народных комиссаров, 1918) осенью 1901 г. составил программное заявление Союза, а в ноябре того же года вошел в Красноярский комитет РСДРП. Значительную роль в Союзе играл и В.Е. Мандельберг, избранный затем вместе с Л.Д. Бронштейном делегатом на Второй съезд РСДРП (1903).

Именно с помощью Сибирского социал-демократического союза в 1901 г. произошло оформление Иркутского комитета РСДРП. В состав комитета первона-

чально входили только ссыльные, в том числе евреи И.М. Ромм, И.И. Шиллингер, В.Е. Мандельберг [29. С. 81]. В разное время в комитете также состояли В.А. Гутковский – до ссылки (март 1902 г.) член петербургских социал-демократических организаций, Э.Э. Понтович, Н.И. Суссер, М.А. Цукасова [30].

В июне 1904 г. по инициативе административно-ссыльного В.А. Пескина в Иркутске организовалась немногочисленная группа Всеобщего еврейского рабочего союза в Польше, Литве и России (Бунд). Ее члены получали из-за границы «Вестник Бунда» и «Последние известия». Развернуть активную деятельность бундовцы не смогли и вскоре примкнули к иркутской организации РСДРП [31. С. 33].

Были ссыльные евреи и среди иркутских эсеров. Как известно, социалисты-революционеры не придавали большого значения формальному структурному объединению, поэтому в Иркутске, как и по всей стране, отдельные эсеровские кружки образовались в единую группу позднее социал-демократов. Первая эсеровская организация (без комитета вплоть до декабря 1905 г.) сложилась в Иркутске в 1902 г. В 1902–1904 гг. в ее состав из евреев входили В.А. Вознесенский, И.Г. Гольдберг, С.Н. Доллер, А.Б. Ельяшевич, В.А. Криль, С.Ф. Михалевич (Ян), М.А. Натансон, П.И. Файнберг, Г.М. Фриденсон и некоторые другие [Там же. С. 34–35].

Активное участие принимали ссыльные евреи и в событиях первой русской революции в Иркутске. Известие о начале всеобщей стачки железнодорожников было получено в городе от Всероссийского Союза железнодорожных служащих еще 13 октября 1905 г. Вечером этого дня в помещении службы пути Забайкальской железной дороги под председательством техника управления И.М. Хоммера собрались на сходку до 500 человек, и было решено начать забастовку с 14 октября. Руководящим центром забастовки стал объединенный стачечный комитет. В его состав постепенно включались представители самых разных слоев и профессий, социал-демократы, эсеры и либералы, а численность колебалась от 20 до 40 человек. Здесь, по данным Иркутского губернского жандармского управления, были и евреи: слесарь А.Г. Гольдберг, управляющий делами «купчихи Громовой» С.А. Лянды [22. Л. 12–14].

Самой массовой формой рабочего движения в этот период стал митинг. «Хроника рабочего движения...» зафиксировала в Иркутске с 13 октября 1905 г. по 3 января 1906 г. 33 митинга, перераставших часто в демонстрации и собиравших огромное количество иркутян. Так, в митинге 22 октября 1905 г., организованном Иркутскими комитетами РСДРП, ПСР и либеральными профессиональными объединениями по поводу Всемилоштивейшего манифеста 17 октября, принимали участие от 3 до 6 тыс. человек. На митинге совершенно открыто выступали большевик Н.Н. Баранский, меньшевик В.Е. Мандельберг, социалист-революционер Г.М. Фриденсон, бывший народник С.А. Лянды, после митинга демонстрация участников прошла к городской тюрьме с требованием освободить политзаключенных [32. С. 177].

В революционных событиях самое активное участие принимала и учащаяся молодежь. Так, согласно справке начальника Иркутского охранного отделения начальнику ИГЖУ, в декабре 1905 г. в городе среди воспитанников учебных заведений был создан «Союз учащихся», поставивший в своей программе чисто политические цели. Инициировали организацию хорошо известные жандармам читинский мещанин из государственных ссыльных эсер Г.М. Фриденсон и присяжный поверенный Б.С. Орнштейн. Охранное отделение выявило деятельное участие в «Союзе учащихся» Иркутска и молодых евреев: воспитанницы 7 класса Иркутской первой женской гимназии Л. Фриденсон, в доме которой была обнаружена рукопись, сделанная на пишущей машинке, под названием «Организация учащихся – платформа», учащихся мужской гимназии В. Буллаха, И. Келлермана, А. Камова, промышленного училища М. Левенсона, В. Островского М. Келлермана, А. Мошковица, Г. Бланкова и П. Ружанского. Именно из «Союза учащихся» была выделена часть молодежи, образовавшая «боевую дружину» под названием «Буря». 20 января 1906 г. в фойе городского театра были разбросаны печатные воззвания за подписью «Союз учащихся». При этом в ходе обыска у Арона Камова были обнаружены «заметки на обложке одной из тетрадок, указывающие о его осведомленности по поводу дел “Союза учащихся”», а в вещах Марка Азадовского найдено «несколько прокламаций и воззваний тайных организаций» [33. Л. 78–79].

Евреи были и среди руководителей народных дружин самообороны. Так, дружину социал-демократов возглавлял А.Г. Гольдберг, дружина еврейской самообороны действовала под началом Г.И. Кана, дружиной социалистов-революционеров командовал М.М. Прейсман. Общее число дружинников составляло внушительную цифру – свыше 400 человек [32. С. 176–177].

В 1905 г. численно выросли и окрепли иркутские социал-демократы. В Иркутске, как и по всей Сибири, организация РСДРП была единой и не делилась на большевиков и меньшевиков. Разбитые несколькими крупными ликвидациями 1904 г., после октября 1905 г. эсдеки уже имели в своих рядах около 500 человек, в том числе не менее 100 рабочих. Организация возглавлялась комитетом, в который входили в разные периоды до 30 работников, в основном меньшевистского, «умеренного» толка. Ведущие позиции в комитете занимали В.Е. Мандельберг, И.М. Хоммер, Ф.Ю. Рехневский, Я.М. Ляховский, братья Даринские и некоторые другие. Хорошо известно, что В.Е. Мандельберг был избран от социал-демократов города депутатом Государственной думы.

Летом 1906 г. среди иркутских эсеров прошли массовые аресты. При этом была обнаружена тайная типография, помещавшаяся в доме Трофима Крахмаля в Глазковском предместье по Гоголевской улице. «Дом Крахмаля, – сказано в жандармском отчете, – казавшийся снаружи одноэтажным, на самом деле имел подземный этаж, соединявшийся с верхним этажом посредством люка и подвижной лестницы. Из подземелья был особый выход во двор. Здесь были задержаны: владелец дома Трофим Крахмаль, Вячеслав

Свидобский и Федор Добровольский». На следующий день оставленной засадой здесь были арестованы Давид Либман и Моисей Меерович. В отчете упоминаются также хранители оружия и типографии Георгий и Павел Ветовецкие, Соломон Шепшелевич, распространявший прокламации, Лея Гольдберг, Борис Розенфельд, Меер Левенсон, Иосиф Вельгурский, Петр Накрохин – члены боевой организации» [34. Л. 29 об.].

Первая русская революция существенно изменила отношение иркутской администрации к политическим ссыльным. Если в конце XIX – начале XX в. власти откровенно «закрывали глаза» на незаконное пребывание в городе ссыльных из ближайших уездов и волостей, то с 1906 г. стала наблюдаться обратная картина: полиция, пользуясь военным положением, выявляла «временно проживающих» «политиков» и пыталась бескомпромиссно высылать их на место приписки. В июле 1906 г., к примеру, был составлен список таких ссыльных и местных революционеров, в котором имелось ни много ни мало 107 имен. В первую очередь подлежали отправке «в места отдаленные» активные участники Октябрьской стачки 1905 г., среди них евреи: А.И. Бик, И.И. Концевич, С.Г. Левенсон, Л.В. Лончих, Б.С. Орнштейн, И.Н. Ружанский, М.Б. Файнберг, Г.М. Фриденсон, М.А. Цукасова, С.М. Цвиллинг, И.М. Хоммер, Д.З. Эпштейн и др. [35. Л. 58–62 об.].

Как видим, история Иркутской губернии конца XIX – начала XX в. прочно связана с политической ссылкой, в том числе и ссылкой евреев. Вырванные из привычной социально-бытовой среды и испытывая здесь значительные материальные лишения, эти люди тем не менее существенно обогатили общественную жизнь иркутян, оказали заметное позитивное влияние на местное общество, способствовали росту его самосознания, гражданственности и политической культуры. Именно ссылка воспитала в иркутском обществе потребность в самоуправлении, стремление к незави-

симости от центральной власти, и в то же время привила чувство ответственности и сопричастности в деле управления громадным краем.

Евреи – участники леворадикальных формирований, действовавших на территории европейской России, ссылались во многие регионы Сибири, в том числе и в Иркутскую губернию. При этом доля евреев среди политических ссыльных Прибайкалья колебалась от 32 до 60%, что было значительно выше общесибирских показателей и объяснялось особенностями карательной политики государства, выделившего в конце XIX в. Иркутскую губернию и Якутскую область в качестве основного места для административной высылки своих политических противников. В эти регионы ссылались административным порядком большая часть всех политических ссыльных империи, соответственно, и евреев в их составе было также больше, чем где-либо. Отсюда, от численного преобладания евреев-ссыльных, и их более заметный вклад в развитие местного политического подполья: евреи активно работали в Сибирском социал-демократическом союзе, комитетах социал-демократов и эсеров в Иркутске, руководящих органах Октябрьской стачки. Ситуация начала меняться в 1904 г., когда из-за Русско-японской войны государство временно прекратило административную ссылку в Восточную Сибирь, заменив ее высылкой на европейский Север, в Архангельскую губернию, соответственно, и число евреев здесь также заметно упало.

Вместе с тем, говоря об активном участии ссыльных евреев в радикальных политических движениях в Сибири, в том числе и на территории Иркутской губернии, в конце XIX – начале XX в., следует иметь в виду, что данное явление требует своего специального всестороннего изучения, привлечения значительного количества разноплановых источников. И только тогда можно действительно научно обосновать этот тезис, подкрепленный нами лишь отдельными примерами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иркутск еврейский: двести сюжетов из жизни 200-летней общины / отв. ред. А. Гимельштейн. Иркутск : Востсибкнига, 2018. 304 с.
2. Кальмина Л.В. Евреи в дореволюционном Иркутске: отблеск губернского лоска // Известия Иркутского государственного университета. Сер. История. 2012. № 1 (2). С. 118–126.
3. Курас С.Л. Источники по истории ссылки евреев в Сибирь во второй половине XIX в. – февраль 1917 г. (на примере Иркутской губернии) : дис. ... канд.ист.наук. Улан-Удэ, 2006. 186 с.
4. Рабинович В.Ю. Евреи и поляки в дореволюционном Иркутске: «переселенцы» в переселенческом обществе // Известия Алтайского государственного университета. Сер. История. 2010. № 4-1 (68). С. 201–206;
5. Шиловский М.В. Сибирские евреи во второй половине XIX – начале XX в.: вопросы региональной идентичности // Европейские общины в российской провинции во второй половине XIX – начале XX в. : сб. науч. ст. / отв. ред. В.А. Скубневский, Ю.М. Гончаров. Барнаул : Азбука, 2010. С. 120–130.
6. Декабристы : биограф. справочник / под ред. М.В. Нечкиной. М. : Наука. 1988. 448 с.
7. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 24. Оп. Оц. Д. 381. Л. 3–107.
8. Деятели революционного движения в России. От предшественников декабристов до падения царизма : биобиблиогр. словарь / под общ. ред. И.А. Теодоровича и др. М. : Изд-во ВООПИК, 1928. Т. I, ч. 2. 496 стб.; Т. II, вып. 2. 829 стб.; Т. II, вып. 3. 1381 стб.
9. ГАИО. Ф. 91. Оп. 2. Д. 1511.
10. ГАИО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 2398. Л. 173–266.
11. ГАИО. Ф. 25. Оп. Оц. Д. 636. Л. 1–35 об.
12. Щербаков Н.Н. Численность и состав политических ссыльных Сибири (1907–1917 гг.) // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1971 г.). Иркутск, 1973. Вып. I. С. 199–242.
13. ГАИО. Ф. 25 Оп. Оц. Д. 428. Л. 16.
14. Попов И.И. Забытые иркутские страницы : записки редактора. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1989. 384 с.
15. ГАИО. Ф. 25. Оп. Оц. Д. 563. Л. 40.
16. ГАИО. Ф. 25. Оп. Оц. Д. 157. Л. 26.
17. Теплов П. История Якутского протеста (дело «Романовцев»). СПб. : Изд. Н. Глаголева, [б. г.]. 480 с.
18. Кальмина Л.В. Еврейские общины Восточной Сибири (середина XIX в. – февраль 1917 года). Улан-Удэ : Изд.-полиграф. комплекс ВСГАКИ, 2003. 422 с.
19. Кроль М.А. Страницы моей жизни. М. : Мосты культуры / Гешарим, 2008. 734 с.

20. Гончаров Ю.М. Еврейская диаспора в Сибири XIX – начала XX в.: специфика формирования и процессы адаптации // Современное историческое сибиреведение XVIII – начала XX в. : сб. науч. тр. / под ред. Ю.М. Гончарова, В.Н. Шайдурова. СПб. : Медиалитер, 2020. С. 126–135.
21. ГАИО. Ф. 25. Оп. Оц. Д. 198. Л. 2.
22. Государственный архив новой и новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). Ф. 300. Оп. 1. Д. 73.
23. Политическая каторга и ссылка: Биографический справочник членов об-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев. М. : Изд-во ВОПКиС, 1934. 880 с.
24. ГАИО. Ф. 600. Оп. Оц. Д. 57. Л. 11.
25. ГАИО. Ф. 25. Оп. Оц. Д. 184. Л. 1.
26. Мандельберг В. Из пережитого. Давос : За рубежом, 1910. 145 с.
27. Троцкий Л.Д. Воспоминания о моей первой сибирской ссылке // Каторга и ссылка. 1923. № 5. С. 91–95.
28. Троцкий Н. Туда и обратно. СПб. : Шиповник, 1907. 123 с.
29. Мещерский А.П., Щербаков Н.Н. В.И. Ленин и политическая ссылка в Сибири. Иркутск (конец XIX в. – 1917 год). Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1973. 176 с.
30. Кабацкий Н.И. К вопросу о возникновении, составе и структуре Иркутского комитета РСДРП (1901–1904 гг.) // Труды Иркутского политехнического института. Сер. общественных наук (история КПСС). Иркутск, 1964. Вып. 22. С. 20–21
31. Курусканова Н.П. Нелегальная издательская деятельность сибирских социалистов (1901 г. – февраль 1917 г.). Краснодар : Изд-во Красноярска. ЦНТИ, 2012. 514 с.
32. Колмаков Ю.П. Иркутская летопись, 1661–1940. Иркутск : Оттиск, 2003. 847 с.
33. ГАИО. Ф. 600. Оп. Оц. Д. 44. Л. 78–79.
34. ГАИО. Ф. 245. Оп. Оц. Д. 130. Л. 29 об.
35. ГАИО. Ф. 90. Оп. 1. Д. 230. Л. 58–62 об.

Alexander A. Ivanov, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: ottisk@irmail.ru

Sofya L. Kuras, Irkutsk State Transport University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: kuras@list.ru

Tatyana L. Kuras, Legal Institute of the Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: tanya_kuras@mail.ru

EXILED JEWS IN THE POLITICAL LIFE OF THE IRKUTSK PROVINCE AT THE END OF THE XIX - BEGINNING OF THE XX CENTURY

Keywords: political exile; exiled Jews; Siberia

The purpose of the article is to determine the number of Jews in the number of political exiles, as well as to identify their role in the radical political participation of the Irkutsk province in the 1880s - 1900s.

The source base consists of documents from the State Archives of the Irkutsk Region, the State Archives of Modern and Contemporary History of the Irkutsk Region, most of which were not introduced into scientific circulation, as well as sources of personal origin.

It will be recalled that in the first half of the XIX century. Jews, due to their social isolation, were still far from participating in the country's radical social and political organizations. Jews did not take a noticeable part in the student movement of the late 1830s and 1840s. They also were not represented among the Petrashevites. The criminal and political exile of Jews became most active in the second half of the 19th century. By the 1880s, they are in the second place after the Russians in the radical anti-government parties. And then their number continues to increase; by the end of the 19th century, their number in the left-wing radical parties grew rapidly.

During the study, the authors came to the following conclusions:

Jews in the composition of political exiles of the Irkutsk province in the late 19th - early 20th centuries occupied a significant, and sometimes leading position, behind only of the Russian workers;

Having education and work experience, Jews, who were political exiles, got a job in numerous trade and purchasing establishments of Irkutsk, expeditions to supply the northern territories, banks, wholesale shops, and warehouses without much difficulty. They successfully served in printing houses, transport shops, tanneries and even on the railroad, thereby developing the Siberian region, which needed professionals in new industries;

Urban communities of Jews, not accepting revolutionary propaganda, provided sympathy and support to exiled Jews, being interested in them as teachers for their children;

It was the political exiles who made the newspaper *Vostochnoye Obozreniye* a genuine center of opposition life, due to the notable levels of education and outstanding thoughts;

Before the first Russian revolution, a large number of political exiled Jews were concentrated in Irkutsk. They exerted an active influence on the work of the opposition, which incurred the displeasure of local authorities, who were trying to limit the exile of Jews to the Siberian region.

In general, the history of the Irkutsk province of the post-reform period is inextricably linked to the exile of the Jews. Although the Jews had been removed from the normal social environment and experienced significant material deprivation in Siberia, they influenced the social life of local people, had a noticeable positive impact on the local society, contributed to the growth of its self-awareness, civic consciousness and political culture.

REFERENCES

1. Gimelstein, A. (ed.) (2018) *Irkutsk evreyskiy: dvesti syuzhetov iz zhizni 200-letney obshchiny* [The Jewish Irkutsk: two hundred stories from the life of a 200-year-old community]. Irkutsk: Vostsibkniga.
2. Kalmina, L.V. (2012) *Evrei v dorevolutsionnom Irkutske: otblek gubernskogo loska* [Jews in pre-revolutionary Irkutsk: a glimpse of the provincial gloss]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya – The Bulletin of Irkutsk State University. History*. 1(2). pp. 118–126.
3. Kuras, S.L. (2006) *Istochniki po istorii ssylki evreev v Sibir' vo vtoroy polovine XIX v. – fevral' 1917 g. (na primere Irkutskoy gubernii)* [Sources on the history of the exile of Jews to Siberia in the second half of the 19th century – February 1917 (a case of Irkutsk province)]. History Cand. Diss. Ulan-Ude.
4. Rabinovich, V.Yu. (2010) *Evrei i polyaki v dorevolutsionnom Irkutske: "pereselentsy" v pereselencheskom obshchestve* [Jews and Poles in pre-revolutionary Irkutsk: "immigrants" in a migrant society]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya – Izvestiya of Altai State University. History*. 4-1(68). pp. 201–206;
5. Shilovskiy, M.V. (2010) *Sibirskie evrei vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.: voprosy regional'noy identichnosti* [Siberian Jews in the second half of the 19th – early 20th centuries: issues of regional identity]. In: Skubnevskiy, V.A. & Goncharov, Yu.M. (eds) *Evreyskie obshchiny v Rossiyskoy*

- provintsii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.* [Jewish communities in the Russian province in the second half of the 19th – early 20th century]. Barnaul: Azbuka. pp. 120–130.
6. Nechkina, M.V. (ed.) (1988) *Dekabristy: biogr. spravochnik* [Decembrists: a biographical reference book]. Moscow: Nauka.
 7. The State Archive of Irkutsk Region (GAIO). Fund 24. List Ots. File 381. pp. 3–107.
 8. Teodorovich, I.A. et al. (eds) (1928) *Deyateli revolyutsionnogo dvizheniya v Rossii. Ot predshestvennikov dekabristov do padeniya tsarizma: biobibliogr. slovar'* [Figures of the revolutionary movement in Russia. From the predecessors of the Decembrists to the fall of tsarism: a biobibliographic dictionary]. Moscow: VOPKIS.
 9. The State Archive of Irkutsk Region (GAIO). Fund 91. List 2. File 1511.
 10. The State Archive of Irkutsk Region (GAIO). Fund 91. List 1. File 2398. pp. 173–266.
 11. The State Archive of Irkutsk Region (GAIO). Fund 25. List Ots. File 636. pp. 1–35 ob.
 12. Shcherbakov, N.N. (1973) Chislennost' i sostav politicheskikh ssyl'nykh Sibiri (1907–1917 gg.) [The number and composition of political exiles in Siberia (1907–1917)]. In: *Ssyl'nye revolyutsionery v Sibiri (XIX v. – fevral' 1971 g.)* [Exiled revolutionaries in Siberia (19th century – February 1971)]. Vol. 1. Irkutsk: [s.n.], pp. 199–242.
 13. The State Archive of Irkutsk Region (GAIO). Fund 25. List Ots. File 428. p. 16.
 14. Popov, I.I. (1989) *Zabytye irkutskie stranitsy: zapiski redaktora* [Irkutsk Forgotten Pages: Editor's Notes]. Irkutsk: Vost.-Sib. kn. izd-vo.
 15. The State Archive of Irkutsk Region (GAIO). Fund 25. List Ots. File 563. p. 40.
 16. The State Archive of Irkutsk Region (GAIO). Fund 25. List Ots. File 157. p. 26.
 17. Teplov, P. (n.d.) *Istoriya Yakutskogo protesta (delo "Romanovtsev")* [History of the Yakut protest (the case of "Romanovtsev")]. St. Petersburg: N. Glagolev.
 18. Kalmina, L.V. (2003) *Evreyskie obshchiny Vostochnoy Sibiri (seredina XIX v. – fevral' 1917 goda)* [Jewish communities of Eastern Siberia (mid. 19th century – February 1917)]. Ulan-Ude: East Siberian State Institute of Culture.
 19. Krol, M.A. (2008) *Stranitsy moyey zhizni* [Pages of my life]. Moscow: Mosty kul'tury / Gesharim.
 20. Goncharov, Yu.M. (2020) *Evreyskaya diaspora v Sibiri XIX – nachala XX v.: spetsifika formirovaniya i protsessy adaptatsii* [Jewish Diaspora in Siberia in the 19th – early 20th centuries: the specificity of formation and adaptation processes]. In: Goncharov, Yu.M. & Shaydurov, V.N. (eds) *Sovremennoe istoricheskoe sibirvedenie XVIII – nachala XX v.* [Modern Historical Siberian Studies of the 18th – early 20th centuries]. St. Petersburg: Mediapapir. pp. 126–135.
 21. The State Archive of Irkutsk Region (GAIO). Fund 25. List Ots. File 198. p. 2.
 22. The State Archive of Modern and Contemporary History of Irkutsk Region (GANIO). Fund 300. List 1. File 73.
 23. Konstantinov, M.M. (ed.) (1934) *Politicheskaya katorga i ssylka: Biograficheskiy spravochnik chlenov ob-va politkatorzhan i ssyl'noposelentsev* [Political penal labor (katorga) and exile: A biographical reference book of members of the Society of Political Prisoners and Exiled Settlers]. Moscow: VOPKIS.
 24. The State Archive of Irkutsk Region (GAIO). Fund 600. List Ots. File 57. p. 11.
 25. The State Archive of Irkutsk Region (GAIO). Fund 25. List Ots. File 184. p. 1.
 26. Mandelberg, V. (1910) *Iz perezhitago* [From Bygone]. Davos: Za rubezhom.
 27. Trotsky, L.D. (1923) *Vospominaniya o moyey pervoy sibirskoy ssylke* [Memories of my first Siberian exile]. *Katorga i ssylka*. 5. pp. 91–95.
 28. Trotsky, N. (1907) *Tuda i obratno* [There and Back]. St. Petersburg: Shipovnik.
 29. Meshchersky, A.P. & Shcherbakov, N.N. (1973) *V.I. Lenin i politicheskaya ssylka v Sibiri. Irkutsk (konets XIX v. – 1917 god)* [V.I. Lenin and political exile in Siberia. Irkutsk (the late 19th century – 1917)]. Irkutsk: Vost.-Sib. kn. izd-vo.
 30. Kabatsky, N.I. (1964) *K voprosu o vozniknovenii, sostave i strukture Irkutskogo komiteta RSDRP (1901–1904 gg.)* [On the origin, composition and structure of the Irkutsk Committee of the RSDLP (1901–1904)]. *Trudy Irkutskogo politekhnicheskogo instituta. Ser. obshchestvennykh nauk (istoriya KPSS)*. 22. pp. 20–21.
 31. Kuruskanova, N.P. (2012) *Nelegal'naya izdatel'skaya deyatel'nost' sibirskikh sotsialistov (1901 g. – fevral' 1917 g.)* [Illegal publishing of Siberian socialists (1901 – February 1917)]. Krasnodar: TsNTI.
 32. Kolmakov, Yu.P. (2003) *Irkutskaya letopis'. 1661–1940* [The Irkutsk Chronicle. 1661–1940]. Irkutsk: Ottisk.
 33. The State Archive of Irkutsk Region (GAIO). Fund 600. List Ots. File 44. pp. 78–79.
 34. The State Archive of Irkutsk Region (GAIO). Fund 245. List Ots. File 130. pp. 29 ob.
 35. The State Archive of Irkutsk Region (GAIO). Fund 90. List 1. File 230. pp. 58–62 ob.